УДК 343.8 DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-3-154-161

ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕЙ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА И «САНКЦИОННОГО» ДАВЛЕНИЯ

Алтухов Сергей Анатольевич кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО ВГУЮ «РПА Минюста России»
e-mail; ser-altuhov@yandex.ru

Ширяев Александр Сергеевич кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета
e-mail; 411ga@mail.ru

Аннотация

Анализируются тенденции преступности в России на фоне влияния социально-экономического кризиса, распространения пандемии коронавируса, европейских и американских санкций. Выявленные авторами закономерности и формы проявления преступности дают основу для оптимизации процесса по ее противодействию, использованию новых способов и методов профилактики.

***Ключевые слова**: преступность, причины и условия преступности, противодействие преступности, правоприменительная практика.*

Преступность всегда оставалась и остается непременным спутником человеческого общества, отражая уровень его развития, качество жизни населения, режим обеспечения прав и свобод граждан. Оценить все эти показатели и иные характеристики общества довольно непросто, особенно в условиях нестабильности и кризисных явлений в обществе. Не позволяет это сделать и отсутствие стабильности в международных отношениях, а также сложный характер причинно-следственных связей рассматриваемого криминального феномена, что приводит к неоднозначным корреляционным зависимостям и совершенно противоречивым выводам.

Как замечает профессор В.В. Лунеев, глубокие и системные изменения преступности обусловлены в значительной степени трудностями модернизационных процессов в России . Действительно, в условиях даже незначительного экономического кризиса уровень преступности в стране должен возрастать. И это не просто общеизвестная истина и основная идея теории депрессии (одной из экономических теорий современной криминологии), это аксиома. Любое государство, сталкивающееся с системным экономическим кризисом, становится более уязвимым с точки зрения как экономической, так и национальной безопасности. На это обращал внимание

и один из основоположников криминологии – Э.Дюркгейм, который объяснял риск проявления криминальной активности населения бурными изменениями экономических, социальных и политических процессов, усиливающийся с учетом состояния аномии (беззакония) .

Этот вывод отчасти подтверждается целым рядом событий последних лет и их последствиями. Так, события на Украине и вхождение Крыма в состав России , участие России в военных и гуманитарных операциях в Сирии, экономические разногласия с зарубежными партнерами по контролю за добычей нефти, распространение пандемии коронавируса Covid-19 и борьба за первенство в создании вакцины против него, создали основу так называемого «санкционного давления» стран НАТО и их союзников в отношении нашего государства. Очередным поводом для введения экономических и политических санкций против российского государства станет, по всей видимости, история с «отравлением» блогера А. Навального .

Санкции оказывают негативное влияние на развитие практически всех сфер жизнедеятельности общества, отражаясь, в числе прочего, на отношении и доверии иностранных инвесторов и кредиторов российским эмитентам и финансовым учреждениям . Санкционное давление и незаконное использование финансовых инструментов ощутимо снизили темпы роста экономики, обусловили значительное сокращение доходов населения, повысили уровень инфляции и рост безработицы (в Ростове-на-Дону она выросла в 3 раза) , расширили масштабы теневого сектора экономики, создав новые возможности для занятия преступной деятельности.

Потеря реальных доходов и увеличение числа лиц, живущих за чертой бедности (это согласно данных Росстата примерно каждый 7-й россиянин) в условиях повышенной закредитованности граждан (только в 2018 году банками было выдано 38 млн. кредитов населению, а в 2019 году их число выросло еще на 19,4%), как известно, продуцирует не только замедление темпов роста экономики, но и предопределяет высокий уровень неопределенности, тревоги, напряженности и конфликтности среди населения.

На этом фоне значительная часть населения, пытаясь удовлетворить свои, в том числе жизненно необходимые потребности, начинает проявлять повышенную нервозность, панические настроения, формируя новые пессимистические ожидания и опасения, страх и неуверенность в завтрашнем дне, что зачастую ведет к деструктивным изменениям личности, желании минимизировать свои проблемы, в том числе противоправным путем. Отличительной особенностью этих процессов является продолжающийся процесс алкоголизации населения, выражающийся в употреблении спиртных напитков, особенно различных суррогатов. Более чем двукратное превышение критической дозы (не более 8 литров спирта согласно данным ВОЗ) потребляемого алкоголя на душу российского населения в 2008 году было названо серьезнейшей угрозой национальной безопасности со всеми ее последствиями. За 2019 года указанный показатель снизился и составил 11,1 л. Но ведь это только лишь то, что отражает фиксируемые государством продажи алкоголя.

Указанные симптомы социального неблагополучия стали, со всей очевидностью, просматриваться при анализе данных о преступлениях, совершаемых лицами в состоянии алкогольного опьянения. Так, если в 2014 году число таких преступлений

превышало 311 тыс., то к концу 2015 года их количество выросло более чем на 28% (до 401 тыс.), а в 2016 г. – до 440 тыс. В дальнейшем темпы прироста этих преступлений стали снижаться, однако на конец 2018 года их число почти на 13 % превышало показатели 2014 года (периода введения антироссийских экономических санкций). В 2019 году количество таких преступлений составило 323,5 тыс., что составляет более 30,7% всех совершенных посягательств в указанный период .

Иными словами, последствия политической, экономической и военной конфронтации России со странами Евросоюза и США, вызванные событиями на Украине, а затем Сирии, а теперь уже и в Беларуси и последовавшие вслед за этим экономические санкции, самым серьезным образом отразились на состоянии экономической ситуации в стране. При этом стоит заметить, что реальные масштабы и последствия экономического кризиса, с одной стороны, специально «затушевываются» соответствующими «победами» на международной арене (Сирия, Венесуэла) либо весьма сложными аналитическими подсчетами (нередко противоречащими логике и здравому смыслу), а с другой – уже дают о себе знать, несмотря на желание государства не допустить негативных сценариев изменения преступности. В этой связи некоторые специалисты и аналитики считают, что эти санкции имеют исключительную «точечную» направленность не в отношении государства, а в отношении конкретных субъектов экономических отношений . Однако основной груз ответственности целиком ложится на плечи наших граждан.

Тем не менее, в условиях кризиса почему-то наблюдается некое статистическое «благополучие» и даже ежегодное снижение преступности (исключением был лишь период 2015 года): 2014 г. – 2,19 млн.; 2015г. – 2,388 млн.; 2016г.– 2,16 млн.; 2017г. – 2,058 млн.; 2018г. – 1,992 млн.; 2019 г. – 2,024 млн.

Как это ни странно, но практически все ответственные за состояние дел борьбы с преступностью лица считают такое положение закономерным следствием улучшения регистрационной дисциплины и улучшением эффективности предупредительно-профилактической деятельности органов внутренних дел. В подтверждение тому приводятся данные официальной статистической отчетности и результаты опроса общественного мнения последних лет.

Но вопрос о доверии такой информации стоит уже давно, да и первые лица государства называют статистику преступности «брехней» . Кроме того, даже после вхождения в состав России Крыма и Севастополя, когда численность населения пополнилась на 2,34 млн. человек, уровень преступности в России вопреки всякой логике продолжал снижаться, а число зарегистрированных преступлений на полуострове за весь предшествующий период не превышало отметки в 38 тыс. .

Нет особого смысла доверять и проверять информацию о результатах опроса общественного мнения, которые проводят известные в стране центры – ВЦИОМ, ФОМ, ИНИОН и т.д. Несмотря на практически сопоставимый объем репрезентативной выборки и одинаковые методы исследований разница в итоговых оценках может достигать более чем 2-кратного значения.

Специалисты-криминологи до сих пор озабочены проблемой определения реального уровня преступности. Причиной тому выступает запредельный уровень латентности , причем как скрытой, так и скрываемой. Так, с момента вступления в силу

УК РФ число заявлений и сообщений о преступлениях выросло более чем в 3,3 раза (с 9,5 (1997 г.) до 32 млн. (2018 г.), тогда как количество зарегистрированных преступлений за указанный период снизилось на 17% (с 2,4 млн. до 2 млн. соответственно)! По мнению профессора Б.Я. Гаврилова, указанные диспропорции связаны с резким ростом «отказных материалов» . С 1992 по 2017 гг. их число выросло в 8 раз, что свидетельствует о низкой эффективностью реагирования правоохранительных органов на сообщение о преступлении . Прокуратурой только в 2017 году было выявлено почти 5,2 млн. нарушений при приеме и регистрации заявлений, а также было отменено почти 2,4 млн. постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. В 2018 и 2019 гг. число выявленных нарушений на досудебных стадиях уголовного судопроизводства практически не изменилось – свыше 5,1 млн., однако на конец прошлого года количество нарушений, допущенных органами предварительного расследования выросло на 5,9%, отменено более 2 млн. постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, а также более 26 тыс. постановлений о прекращении уголовных дел.

Полагаем, что одной из причин весьма контрастного несоответствия между числом поступающих в правоохранительные органы заявлений и сообщений и количеством принятых решений о возбуждении уголовного дела является и соответствующая процедура регистрации такой информации, а точнее установленные соответствующим правовым актом правовые основания ее фиксации и передачи. Так, например, в конце 2019 года были разработаны новые требования к Инструкции о порядке приема и регистрации преступлений .

В условиях недостатка объективной информации, а также попыток «приукрашивания» действительного положения дел в борьбе с преступностью, полагаться на данные статистики следует весьма осторожно. Это связано с тем, что состояние фактической преступности может заметно отличаться от статистических данных о зарегистрированных преступлениях, а также информации о судебной практике. Тем не менее, криминологические закономерности такого социального явления, как преступность, могут сохраняться и на уровне статистического ее (преступности) «среза», взяв за основу выборочный метод исследования с его многочисленными преимуществами (экономичностью, простотой, быстротой обработки информации и т.д.). Однако эти преимущества нивелируются и весьма серьезными недостатками – неполнотой исследования объекта наблюдения (преступности) и ошибкой репрезентативности, т.е. некой погрешностью, возникающей за счет того, что наблюдению подвергается не вся генеральная совокупность, а лишь незначительная ее часть. Действительно, взятие пробы качества воды на одном краю моря не гарантирует такой же ее состав повсеместно.

Так, известный в науке «эффект воронки», на «входе» в которую уже начинают действовать различные механизмы «очистки», показывает, что к моменту «выхода» весьма значительный объем единиц совокупности куда-то пропадает, исчезает, не проходит «фильтр» и т.д. Весьма схожая картина находит свое отражение и в системе регистрации информации о преступности («вход») и результаты судебной практики применительно к числу осужденных («выход»). В качестве примера приведем информацию о практике противодействия преступности в России за 2018 год (в 2019

году этот показатель перестали включать в отчетные данные). Так, число заявлений и сообщений о преступлениях в 2018 году составило почти 32 млн. («вход»). После проверки информации уполномоченными должностными лицами правоохранительных органов было принято почти 2 млн. (1,992 млн.) решений о возбуждении уголовных дел, а также выявлено 931,1 тыс. лиц, совершивших преступления. На конец года было раскрыто 1,088 млн. преступлений, а в суды поступило 884 тыс. уголовных дел на 956,4 тыс. лиц, которые предстали перед судом. Судами же было осуждено около 682 тыс. человек, что соответствует 2,1% лиц, предположительно совершивших преступления.

Отбросив многие сомнения, попытаемся все же определить, основываясь на тех же статистических денных и собственных наблюдениях основные тенденции развития современной преступности в условиях экономических санкций:

1) стабильный рост фактической преступности с тенденцией продолжающегося социально-психологического привыкания населения к последствиям криминальных проявлений и потери у граждан интереса не только к малозначительным преступлениям, но и посягательствам, которые совершают высокопоставленные чиновники, представители правоохранительных органов и иные лица, чьи противоправные действия всегда вызывали общественный резонанс. Даже такие показательные судебные процессы (как, например, в отношении футболистов Кокорина и Мамаева, актера Михаила Ефремова) не могут остановить социально-психологический процесс привыкания населения к растущей преступности. Этому способствует и доказавший свою эффективность институт компромисса ;

2) виртуализация преступности с уходом ее в интернет и повышением уровня латентности. И это неудивительно, ведь с распространением компьютерных технологий многие граждане, организации и государственные учреждения стали зависеть от сети Интернет (число пользователей в Интернете только в России составляет от 82 млн. человек до 110 млн. человек). Использование возможностей информационных технологий в противоправных целях привело к резкому росту преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (в 2019 году рост таких преступлений составил 68,5%). Только за первую половину 2020 года число совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий преступлений выросло почти вдвое (+94,6%), в том числе тяжких и особо тяжких – почти на 130% ;

3) изменение структурных характеристик коррупционной преступности, последствия которой с учетом правоприменительной и особенно судебной практики все настойчивее нивелируют конституционный принцип равенства всех перед законом и судом;

4) затянувшийся кризис экономики России, последствия санкционного давления и не всегда справедливые и необоснованные решения, принимаемые на региональном и государственном уровне по ряду жизненно важных социальных проблем, серьезно подрывают основы государственного управления, накаляют уровень протестного движения, способствуют появлению новых видов и форм экстремисткой и террористической деятельности, таких, как, например, антиисламский терроризм;

5) увеличение числа тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами, дальнейший рост ситуационной, досуговой и бытовой преступности, подпиткой которой выступает продолжающаяся алкоголизация и наркотизация населения, увеличение доли лиц, ранее совершавших преступления и отбывавших наказание, в том числе в условиях изоляции от общества;

6) рост фактов криминального насилия, основу которого будут по-прежнему составлять такие мотивы, как месть, корысть, сексуальные побуждения, расовая и национальная вражда и нетерпимость, а также противоправные действия невменяемых лиц и лиц с психическими аномалиями, удельный вес которых практически не меняется (судами ежегодно назначаются принудительные меры медицинского характера в отношении почти 9 тыс. невменяемых лиц) и т.д.

Государство должно быть заинтересовано в снижении уровня преступности особенно в таких крайне сложных социально-экономических условиях, как сегодня. Однако реализуется эта задача нередко лишь искусственным путем – путем декриминализации преступлений, принятия новых оснований освобождения от уголовной ответственности, расширения гарантий ее неприменения, продления амнистии «капиталов» и т.д. Занижая и скрывая фактическую картину преступности, правоохранительные органы лишаются возможности просить у государства средства, необходимые для борьбы с реальной преступностью. Государству же не приходится тратить лишние деньги на борьбу с преступностью. Более того, последствия такой явно ущербной и непродуманной политики ведет к сокращению личного состава органов правопорядка, которую связывают с необходимостью очередного реформирования правоохранительной системы.

Литература

1. Ведерникова О.Н. Британский опыт изучения латентной преступности. //Российский криминологический взгляд. 2009. №1. С. 335.
2. Гилинский Я.И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии // Российский ежегодник уголовного права. 2008. №2. С. 382-298.
3. Демидченко Ю.В. Современное состояние и предпосылки развития компромиссных моделей правосудия в России // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. 20015. №5. С. 80-84.
4. Краснов М.А. Институциональная система реализации полицейской функции в России. - Москва, 2015.
5. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001-2006: науч. издание / под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007.
6. Лунеев В.В. Модернизация в условиях преступности // Государство и право. 2012. №5. С. 56-67.
7. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Вольтерс Клувер, 2005
8. Ожегова Л. А., Сикач К. Ю. Изменение геокриминогенной обстановки в Республике Крым и городе Севастополе (2010–2016 гг.): территориальные риски //

Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. Том 3 (69). №3.Ч.1. 2017 г. С. 75–81.

9. Приказ МВД России от 9 октября 2019 г. № 688 «О внесении изменений в Инструкцию о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденную приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736».

10. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2020. С. 57.

Altukhov Sergey Anatolyevich, candidate of law, associate Professor, Professor of the Department of criminal law and criminology of the RPA of the Ministry of justice OF Russia, e-mail; ser-altuhov@yandex.ru

Shiryaev Alexander Sergeevich, andidate of law, associate Professor of criminal law and procedure Department of the North Caucasus Federal University Law Institute, e-mail; 411ga@mail.ru

TRENDS IN CRIME AND PROBLEMS OF COUNTERING IT IN THE CONTEXT OF THE CRISIS AND "SANCTIONS" PRESSURE

Abstract

Crime trends in Russia are Analyzed against the background of the impact of the socio-economic crisis, the spread of the coronavirus pandemic, and European and American sanctions. The patterns and forms of crime identified by the authors provide a basis for optimizing the process of countering it, using new methods and methods of prevention.

Keywords: *crime, causes and conditions of crime, crime prevention, law enforcement practice.*

References

1. Vedernikova O. N. British experience in studying latent crime. // Russian criminological view. 2009. no. 1. P. 335.

2. Gilinsky Ya. I. The Genesis of crime. The problem of causality in criminology // Russian Yearbook of criminal law. 2008. no. 2. Pp. 382-298.

3. Demidenko Y. V. Modern state and development preconditions of the compromise models of justice in Russia // Intellectual resources for regional development. 20015. No. 5. Pp. 80-84.

4. Krasnov M. A. Institutional system for implementing the police function in Russia. - Moscow, 2015.

5. Latent crime in the Russian Federation: 2001-2006: scientific publication / ed. By S. M. Inshakov. M.: UNITY-DANA: Law and law, 2007.

6. Luneev V. V. Modernization in the conditions of crime // State and law. 2012. no. 5. Pp. 56-67.

7. Luneev V. V. Crime of the twentieth century: world, regional and Russian trends. 2nd ed., reprint. and add. M.: Volters Kluwer, 2005

8. Ozhegova L. A., Sikach K. Yu. Changes in the geocriminogenic situation in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol (2010-2016): territorial risks / / Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology. Volume 3 (69). no. 3. CH. 1. 2017, Pp. 75-81.

9. The Ministry of internal Affairs order of October 9, 2019 No. 688 "On amendments to the Instruction on the procedure of reception, registration and permission in territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation of statements and messages on crimes, on administrative offences, on incidents, approved by order of the interior Ministry of Russia dated 29 August 2014 No. 736".

10. A criminality condition in Russia for January-December 2019. M.: Giac MVD Rossii, 2020. P. 57.

УДК 347. DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-3-161-169

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО И НЕКОТОРЫЕ ЕГО ВИДЫ В РОССИИ

Ивнева Елена Владимировна Сочинский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского и уголовного права и процесса (Россия, г. Сочи). E-mail: gpp00@mail.ru

Князькова Марина Геннадьевна Сочинский государственный университет, кандидат юридических наук, город Сочи, доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса (Россия, г. Сочи). E-mail: margoshaum@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается теоретико-практический аспект уголовной ответственности за мошенничество и некоторые его виды в России, формулируются предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства.

Ключевые слова: *уголовный закон, Уголовный кодекс РФ, мошенничество, состав преступления, уголовная ответственность, обман, злоупотребление доверием, право на чужое имущество, квалифицирующие признаки, значительный ущерб гражданину, электронное средство платежа.*

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Российская Федерация в настоящее время находится на пути становления правового и социального государства. Часть 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации (принята всенародным